

УДК 32:001. 12/18

ГЕОПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ «ГИБКОЙ ВЛАСТИ»*Н.М. Мухарямов, доктор политических наук*

Тема в том виде, в котором она вынесена в заголовок статьи, требует, очевидно, некоторых терминологических разъяснений предваряющего характера. Дело в том, что оба концепта – «глоттополитика» и «гибкая власть» – в современном российском общественном сознании широкого хождения еще не приобрели и пребывают в состоянии первоначального освоения.

«Глоттополитика» и в теоретическом, и в практико-прикладном значениях является понятным образованием, возникшем в тематическом поле языковой политики. Предлагаемые смысловые трактовки термина различаются, часто – достаточно принципиально. В одних случаях он используется фактически как синоним «языковой политики», правда, с некоторыми специфическими коннотациями. Это предлагает, в частности, Анвита Абби (Университет Дж. Неру, Нью-Дели): «Какого рода институциональную поддержку получает язык со стороны правительства, системы образования или частных организаций? Регулируется ли его форма и пропагандируется ли язык? Мы можем назвать такое исследование глоттополитикой (языковой политикой)»¹. Специфичность подхода здесь в том, что наряду с традиционным пониманием регулятивных функций языковой политики властных институтов, учтены и такие моменты, как участие неправительственных субъектов, а также меры не только институционального или нормативного характера (поддержка, пропаганда).

В литературе представлены, вместе с тем, и альтернативные варианты видения глоттополитики².

В других случаях феномен глоттополитики интерпретируется содержательно шире по сравнению с языковой политикой, как это делается, например, в современной французской социолингвистике. При таком понимании языковая политика увязывается с действиями по статусному регулированию («планированию статуса») в условиях той или иной языковой ситуации, того или иного соотношения мажоритарных и миноритарных языков. Это регулирование (и соответствующий контекст языковой политики) подразумевает, во-первых, то, что оно осуществляется специализированными и уполномоченными инстанциями, т.е. профессионально. Во-вторых, он предпринимается через дискретные действия. Решения, акты, нормативные установления в области языкового планирования действительно не могут появляться непрерывно или ежедневно. Более того, в реальной практике все это довольно редко встречающиеся события, потому что язык как таковой не может быть объектом какого-то постоянного произвольного вмешательства. Кардинальные решения в той области, которую принято называть «планированием корпуса» языка, на протяжении всей новой и новейшей истории выглядят как вполне обозримое и хорошо документированное множество. «Глоттополитика» – напротив, представляет собой непрерывный процесс, в рамках

которого не столько язык, сколько вся совокупность речевых практик, повседневное использование языка испытывают воздействие со стороны многообразных политически значимых факторов. Причем эти факторы могут быть, а могут не быть целенаправленными, осознанно программирующими, специальным образом мотивированными. Здесь, скорее, наблюдается постоянно продолжающееся сочетание политического влияния на языковое взаимодействие и языковое поведение самых различных акторов, с одной стороны, и соответствующих эффектов и последствий, с другой стороны. Словом, термин «глоттополитика» охватывает значительно более обширный круг явлений и процессов речевого использования, в которое вовлечены все.

Наконец, существует точка зрения, согласно которой глоттополитика понимается как своеобразное продолжение языковой политики в трансграничных масштабах, как «внешняя языковая политика». Эта смысловая грань термина отражает в исследовательском плане и ориентирована в практическом применении на изучение и использование языка в виде особого инструмента присутствия государства в международном сообществе. Коротко говоря, это престиж государства или нации, достигаемый через распространение и продвижение языка в зарубежной среде.

Следует отметить, что в исследовательской литературе сформулированы и иные предложения относительно того, как можно было бы обозначать внешнюю политико-языковую активность государств и складывающуюся вокруг этого область практики. Это, к примеру, такие концепты, как «геополитика языка» (Д. Замятин) или «социолингвистика глобализации» (Я. Блуммерт)³. Однако, «глоттополитика», как представляется, обладает в данном случае большей предпочтительностью по ряду причин. Возвращаясь к сказанному, от-

метим наиболее принципиальный для настоящего случая довод. Использование именно этого обозначения открывает больше аналитических возможностей по сравнению с традиционной общепринятой категорией «языковая политика», а также с вновь вводимыми терминологическими образованиями вроде «геополитики языка» и «социолингвистикой глобализации».

В аналитическом плане «глоттополитикой» очерчивается тематическое пространство, которое включает в себя всю совокупность обстоятельств международного взаимодействия языка и политики. В соответствующую предметную область входят явления и характеристики различной природы. Во взаимном проникновении политики в язык и языка в политику и во внутри- и в международно-политической реальности что-то становится результатом стратегического целеполагания, а что-то возникает в виде эффекта *ad hoc*. Поскольку языковая политика в специализированном понимании предполагает языковое регулирование («планирование статуса» и «планирование корпуса»), то здесь в центре внимания соотношение целей и средств, ресурсов и ожидаемых результатов, мотиваций и возможностей. Глоттополитика помимо этого позволяет видеть всю сложную картину языкового функционирования – все, что является результатом нормативно-регулирующего воздействия, но также и то, что складывается под влиянием стихийных начал в речевых практиках. В поле зрения здесь попадают не только характеристики языковой ситуации *de jure*, но и *de facto*, говоря проще, не только преднамеренные результаты, но и непреднамеренные последствия. Исследовательская сфера, имеющая дело с языковой политикой в каком-то собственно техническом, формализованном, узко-профессиональном значении, всего этого во внимание может и не принимать. Нормативно понимаемая языковая полити-

ка лишь создает предпосылки для последующего реального речевого функционирования.

Не случайно, в социолингвистической среде раздаются голоса в пользу концептуального переосмысления языковой политики или ее рассмотрения в более широком контексте «укрепления позиций языка (упорядочения)». Не без воздействия моды на политическую корректность (в том числе на политически корректную терминологию), некоторые авторы усматривают в термине «языковая политика», традиционно истолковываемом через «языковое планирование» («Language planning»), нежелательные коннотации, а именно – потенциально авторитарный смысл, противоречащий языковым правам меньшинств, а также, возможно, чрезмерная централизация. В качестве альтернативы предлагаются подходы в понятиях «экологии языка» или «экологии речи». В этом же направлении формулируется концепт «укрепления позиций языка» или «языковое благоприятствование». Это, по мнению Л.-Ж. Руссо (Франция, Париж) – «любое вмешательство национального или международного органа, либо социального актора, направленное на установление функций или статуса одного или нескольких конкурирующих языков на данной территории или в данном пространстве (определение статуса), либо на стандартизацию или инструментализацию одного или нескольких языков, направленную на то, чтобы сделать их способными осуществлять приданные им функции (устройство кода) в рамках предварительно выработанной языковой политики. ... Обычно благоприятствование означает принятие решений глоттополитического характера, но, кроме того, оно включает в себя все виды решений относительно областей способов вмешательства»⁴.

Таким образом, глоттополитика предстает одновременно и в виде аналитического средства, и в виде предме-

та регулирования (часто – законодательного), но также и в виде специфической области общественных отношений. Здесь, во-первых, очевиден отход от государство-центричного понимания, присущего дискурсу языковой политики, с одной стороны, и предполагаемого ограничения этого дискурса территориально-политическими границами, с другой стороны. Становится возможным говорить не просто о языковой политике в виде определенного проекта мероприятий, но о глоттополитических процессах и состояниях, о глоттополитических ситуациях в самых разных масштабах измерения – локальных, субнациональных, общенациональных, инфра- и наднациональных, международно-региональных, глобальных.

Во-вторых, аналитический потенциал используемого концепта при отказе от государство-центричного подхода существенно возрастает из-за того, что раскрывается диверсифицированная картина глоттополитической субъектности и глоттополитического участия. Деятельную и, что отнюдь немаловажно, самостоятельную роль в этой области могут брать на себя не только властвующие инстанции, властно уполномоченные агентства, но и самый широкий круг действующих лиц различной социально-политической принадлежности, тех, кого в теории международных отношений принято обозначать как «акторов вне суверенитета».

Перейдем далее к концепту «гибкая власть». Авторство идеи принадлежит американскому специалисту в области международно-политической науки Джозефу С. Наю (Гарвардский университет). Как отмечается в комментарии к переводу его книги на русский язык этот терминологический конструкт создан по аналогии с «software» («мягким» товаром, «мягким» продуктом) в отличие от «hardware» (материальными товарами и продукцией). Буквально «Soft Power» – собственно оригинальное название кни-

ги Дж. С. Ная – звучало бы по-русски как «мягкая власть», однако, переводчик решил, что это вызывало бы ассоциации со слабостью или рыхлостью власти⁵. Не вдаваясь в корректность перевода, важно видеть смысл самой концепции. Это делается через соотнесение «жестких» инструментов власти – военных и экономических, с одной стороны, и «гибких» («мягких»), с другой стороны. Эта последняя базируется на «способности придавать некую форму предпочтениям других». «Политические лидеры давно поняли, что власть проистекает из привлечения людей. ... Гибкая власть – это основа, становой хребет повседневной демократической политики, – пишет Дж. С. Най. – Способность устанавливать предпочтения имеет тенденцию ассоциироваться с такими нематериальными ресурсами, как привлекательность личности, культура, политические ценности и институты, и с политикой, которая воспринимается как легитимная или имеющая моральный авторитет»⁶. Другими словами, это власть, приобретаемая через привлекательность образов, через престижные культурные продукты. Нет необходимости специально доказывать, насколько возрастает значимость коммуникационных начал и языка – вербализированных образов – в качестве элементов такой власти в условиях информационной эры, в среде общения, характерной для процессов глобализации.

Характерно, что при понятной идейной заданности своей концепции автор рассматривает в качестве основного конкурента США в области ресурсов «гибкой власти» («глобальных культурных магнитов») Европу. Дж. С. Най с некоторой ревностью говорит о том, что половина из десяти наиболее широко распространенных в мире языков – европейские, что испанский и португальский языки связывают Иберийский полуостров с Латинской Америкой, что существует 50 франкоговорящих стран, каж-

дые два года встречающихся на саммитах, что Франция тратит почти 1 млрд. долларов в год на распространение своей культуры за рубежом (приблизительно 17 долларов на душу населения – в четыре раза больше, чем Канада, Британия и Швеция, идущие соответственно на втором, третьем и четвертом местах, тогда как расходы США на аналогичные цели составляют 65 центов на душу населения)⁷.

Разумеется, сами по себе бюджетные характеристики глоттополитических программ, так же, как и иные отдельно взятые параметры, исчерпывающим критерием здесь не являются. Английский язык в качестве глобального *lingua franca* сегодняшнего мира с реальной конкуренцией пока не сталкивается. По некоторым экспертным оценкам, под категорию так называемых «English users» или всех тех, кто в каком бы то ни было качестве использует английский язык как родной, как официальный государственный, как первый иностранный, как язык-посредник и т. д. – твердо подпадает два миллиарда человек. На эту тему существует обширная литература и подробная статистика. В данном случае уместным было бы сослаться на два «свежих» примера.

Согласно данным специального приложения по высшему образованию к газете *Times* и компании, занимающейся проблемами высшего образования *Quacquarelli Symonds*, в рейтинге 200 лучших университетов мира, который составляется на основе оценок академического сообщества и работодателей, с учетом качества обучения, публикаций и индекса цитирования, позиции абсолютного доминирования заняты университетами из англоговорящих стран. В рейтинг вошли 56 университетов США, 32 – Великобритании, 13 – Австралии, 11 – Канады, 3 – Новой Зеландии, 2 – Ирландии. Для сравнения: по 11 университетов Японии, Нидерландов, Германии, 6 – Китая, 5 – Франции. В рейтинге

за THES-200 за 2006 год на 93-м месте присутствовал Московский университет и на 164-м Санкт-Петербургский университет⁹. Задача оценки авторитетности рейтинга или меры его объективности при учете реальной конкурентоспособности университетов в данном случае не ставится. Могут возникать, скажем, вопросы относительно оценки качества выпускников университетов Индии, на чью долю приходится значительный удельный вес специалистов в программировании и ИТ-технологиях в калифорнийской «Силиконовой долине». Между тем в названном рейтинге нет ни одного индийского университета. Однако факт остается непреложным: считается – пусть не со стопроцентной достоверностью, что подавляющее большинство высокообразованных специалистов в современном мире получают образование на английском языке.

Второй пример претенциозного англоцентризма: в газете «Дейли телеграф» 29 октября 2007 г. были опубликованы результаты исследования, проведенного консультационной фирмой Creator Synectics. Это перечень 100 человек – живущих в наши дни гениев, с чьими именами связаны «высшие достижения человечества во всех областях». Этот список на 80% состоит из говорящих по-английски: 44 американца, 24 англичанина, несколько канадцев, ирландцы, австралиец и новозеландец¹⁰. Вновь подчеркнем, не вдаваясь в оценки того, насколько все это ответственно подсчитано: считается, что все наиболее ценное и значимое в современной цивилизации поведано миру именно по-английски. Это означает, как минимум то, что этот язык играет роль глобального информационного монополиста, не просто физически контролирующего пространство СМИ, но и диктующего правила конструирования престижных образов, располагающего львиной долей ресурсов «гибкой власти». Все это свидетельствует в том числе и об англоязычной глоттополитической гегемонии.

Возникает проблема, касающаяся того, какова природа этой гегемонии, является ли она продуктом разработанной стратегии, или ей способствуют еще и саморегулируемые факторы языкового выбора, какие-то иные мотивы языковых предпочтений.

Непримиримые критики «англосаксонского лингвистического империализма», действующие в парадигме «экологии языка», напрямую увязывают экспансию английского языка с курсом, провидимым такими специализированными институтами, как Британский Совет и Информационное Агентство США¹¹.

Далее, в зарубежной социолингвистике английский подчас маркируется как «язык-киллер», несущий основную ответственность за угрожающие темпы и катастрофические масштабы свертывания лингвистического многообразия в современном мире. По подсчетам заместителя директора Института живых языков (США) Дэвида Харрисона, каждые две недели в мире окончательно исчезает по одному языку – быстрее, чем вымирают животные, занесенные в Красную книгу. Всего, как утверждает автор, в мире насчитывается около семи тысяч языков (на 83 языках разговаривает примерно 80% человечества; на 3500 малоиспользуемых языках – 0,2%). Перед непосредственной угрозой полного исчезновения сегодня оказались, согласно статистике Д. Харрисона, 383 языка: 153 языка в Северной Австралии, 113 – в Центральной и Южной Америке; 53 – на севере Тихоокеанского плато; 23 – в Восточной Сибири, Китае и Японии¹². Невосполнимость таких потерь объясняется не только уменьшением языкового многообразия как такового, но и обеднением палитры уникальных способов языковой концептуализации мира. «Каждый язык представляет собой некую модель Вселенной, семиотическую систему понятий о мире, – писал Вяч. Вс. Иванов, – и наличие 4000

разных способов описать мир делает нас богаче. Сохранность языков должна беспокоить нас больше, чем экология»¹³.

С другой стороны, помимо экологической озабоченности существует мотивация, связанная не столько с символическими функциями языков – функциями вербального оформления этнокультурных идентичностей. Существует еще и потребность в глобальном коммуникационном взаимодействии, во взаимном понимании. Изучение иностранных языков расширяет индивидуальный культурный капитал, предоставляет жизненные карьерные шансы в самых разных областях. Более того, соответствующая языковая подготовка получает бюджетное финансирование в рамках проводимой государственной образовательной политики.

Экологической парадигме в глоттополитическом сознании противостоит модель «свободного рынка», в контексте которой доминирование «больших» международных языков обосновывается как результат естественного выбора: «английский – язык капитализма, французский – язык республиканизма или в более позднем варианте – язык гуманитарных человеческих ценностей»¹⁴.

Есть немало свидетельств того, как представители российского академического сообщества открыто декларируют свое отношение к перспективам языкового употребления. Этнолог, член-корреспондент РАН Сергей Арутюнов оценивает российскую ситуацию с умиранием языков как утрату одного языка в год. С его точки зрения, язык умирает тогда, когда на нем перестают говорить молодые люди, и к глобализации это не имеет отношения. «Сейчас редко кто способствует этому процессу, – разъясняет ученый, – но редко кто и противодействует, так что мы имеем дело с естественным старением языков». Языки, которые не собираются умирать, могут не выполнять свои функции во всей полноте. «Реально писать научные

труды можно сегодня только по-английски, – говорит С. Арутюнов. – Русский уже не подходит – во-первых, его использование резко ограничивает круг читателей, а во-вторых, уже сейчас ему не хватает терминологии. И этот процесс будет только нарастать. Все языки, кроме английского, в перспективе будут находить только местное применение – в быту, в политике, в литературе и так далее»¹⁵.

«В более широком контексте и в рамках своего «языковедческого проекта», – рассуждает Михаил Эпштейн. По его оценкам, русский язык переживает делексиколизацию – в английском языке насчитывается более миллиона слов, а в русском – только около двухсот тысяч. «...В современной геополитической ситуации русский язык претерпевает стагнацию и даже отрицательную динамику. Ареал русского языка сжимается, скукоживается. ...Какие русские слова в XX веке вошли в английский язык? ...А сколько английских слов (англицизмов) в русском языке? Тысячи! А ведь слова – это вести мысли, которыми обмениваются народы»¹⁶.

Статистические параметры присутствия русского языка в зарубежном информационном пространстве и соответствующие прогнозные расчеты, действительно, выглядят как неблагоприятные. Это, к примеру, видно по данным, приводимым Центром демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и относящимся к прогнозу численности людей, владеющих русским языком (млн. человек)¹⁷ (См. таблицу №1).

О том, насколько неотложными являются глоттополитические усилия по поддержке русского языка, свидетельствует и вывод о том, что русский язык – единственный из 10–12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 15 лет, утрачивал свои позиции во всех основных регионах мира¹⁸.

Таблица № 1

Страны/регионы мира	2004 г.	2015 г.	2025 г.
Россия	140,0	130,0	110,0
СНГ и Балтия	100,0	60,0	30,0
Восточная Европа и Балканы	19,0	10,0	5,0
Западная Европа	7,9	5,0	3,0
Азия	4,1	2,8	1,7
Ближний Восток и Северная Африка	1,5	0,9	0,6
Африка южнее Сахары	0,1	0,1	0,1
Латинская Америка	1,2	0,7	0,4
США, Канада, Австралия и Новая Зеландия	4,1	2,5	1,3
Итого:	278,0	212,0	152,0

Правда, в интересах объективности следует учитывать и всю относительность прогнозов в этой области, и динамичную подвижность ситуации, и то, что сегодняшние тенденции можно с безусловной уверенностью экстраполировать на десятилетия вперед. В частности, вывод о неуклонном, линейно восходящем шестивии английского языка по планете опять-таки статистически не подтверждается. В глобальной сети Интернет, к примеру, процентное соотношение пользователей-англофонов и носителей других языков демонстрирует своеобразную картину¹⁹:

Таблица № 2

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Англоговорящие	56,3	54,3	47,5	40,2
Не англоговорящие	43,7	48,7	51,5	59,8

Принципиальный тезис о том, что «цифры такого рода устаревают очень быстро, С.Г. Тер-Минасова иллюстрирует данными о языковой картине в Европейском союзе (ЕС). Во времена, когда ЕС насчитывал 15 государств-членов, показатели владения иностранными языками – на уровне способности говорить

на общие темы – выглядело в объединенной Европе следующим образом: английский язык – 40%; немецкий язык – 18%; французский язык – 16%; русский язык – 1%. После того, как состав членов ЕС увеличился до 28, ситуация изменилась: английский язык – 35%; немецкий язык – 16%; русский язык – 11%; французский язык – 10%²⁰.

В принципе, глоттополитический подход к стратегии продвижения русского языка в зарубежное информационное пространство предполагает отказ от одностороннего видения целей, предпосылок и инструментов. Укрепление позиций языка не должно рассматриваться в терминах своего рода экстенсивности, в формальных параметрах демографической мощности. Разрушение русскоязычного пространства несет наибольшие потери в странах СНГ и Балтии, что имеет свои историко-ситуативные объяснения: здесь он утратил статус *de facto* государственного языка. Вместе с тем, во многих бывших союзных республиках русский язык продолжает исполнять роль языка международного (межнационального) общения. Далеко не самоочевидно, что даже через одно или два поколения он будет замещен или вытеснен английским языком. Помимо количественных характеристик здесь важно видеть и качественные условия.

Во-первых, перестав быть обязательным, русский язык, в силу социально-экономической целесообразности, привлекает к себе тех, кто действительно заинтересован в ведении бизнеса с российскими партнерами, кто мотивирован профессионально или культурно. Обратившись вновь к сфере науки, можно убедиться, что многие из стран СНГ заинтересованы в сохранении связей с российскими академическими кругами в области аттестации научных кадров, в получении научных степеней через нострификацию по линии ВАК РФ (а не через систему PhD, к примеру). Характерно, что ученые-лингвисты из стран

СНГ ставят проблему создания совместных докторских советов.

Во-вторых, на фоне сжатия позиций русского языка в образовательной сфере стран СНГ и Балтии в Восточной, Центральной и Западной Европе специалистами отмечается стабилизация интереса к русскому языку, приходящая на смену обвальным явлениям 90-х годов XX века. Многие выбирают его в качестве второго иностранного. Согласно сведениям Департамента по культурным связям и делам ЮНЕСКО МИД РФ (от 13 февраля 2004 г.), в гимназиях и лицеях ФРГ русский язык изучают 168 тыс. человек, во Франции и Англии – по 10 тыс. человек. В Бельгии, Ирландии, Исландии, Испании русский язык изучается в основном в системе высшего образования. В Испании, Греции, Португалии, на Кипре интерес к этому языку возрастает по мере увеличения потока туристов из России. В целом в дальнем зарубежье обучением русскому языку в образовательных учреждениях охвачено почти 2 млн. человек. С одной стороны, это скромная цифра. С другой, она отражает реальный интерес к русскому языку и культуре России, а не государственное принуждение со стороны сателлитов Москвы или страхи периода «холодной войны». Чем большую привлекательность будет представлять участие в разнообразных связях с нашей страной, тем больше будет востребован язык.

Иными словами, при всех тревожных тенденциях, присущих распространению русского языка за рубежом, можно предположить, что упрочение его позиций будет связано не с экстенсивными путями «продвижения», а с консолидацией сообщества тех, кто мотивированно выбирает его изучение.

Еще одно обстоятельство, способствующее – пусть и умеренному – оптимизму, состоит в том, что у Российской Федерации возникают ранее небывалые возможности ресурсного обеспечения

глобтополитической активности в ближнем и дальнем зарубежье. В этой области происходят качественные перемены институционального характера. Наряду с традиционными организациями, такими, как Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), отметившей в 2007 г. сорокалетие деятельности, возникают стратегии и структуры нового типа. Это и Федеральная целевая программа «Русский язык 2006–2010 гг.», и создание фонда «Русский мир», и проведение мероприятий в рамках «Года русского языка». Во время саммита СНГ в Казани 26 августа 2005 г. главами 11 государств было подписано Соглашение о гуманитарном сотрудничестве – единственный пример столь единодушного подхода, начиная с 2001 г.

Россия из своего бюджета оплачивает обучение в своих вузах студентов из ближнего зарубежья: квота на 535 мест в 1999 г. и на 2700 мест – в 2007 г.

Оценка того, насколько эффективными окажутся мероприятия, проводимые в рамках объявленной стратегии, по всей вероятности, преждевременна не только в долгосрочных, но и в краткосрочных перспективах. Тем более, что это затруднено рамками настоящего изложения. В данном случае достаточна та констатация, что по мере наращивания общеэкономического потенциала России, глобтополитические инструменты ее «гибкой власти» будут набирать новую действенность.

Наконец, в-третьих, один из ключевых постулатов теории глобтополитики, вероятно, должен гласить: взаимодействие языков и на глобальном, и на региональном, и на национальном, и на локальном уровнях никогда не может рассматриваться в качестве «игры с нулевой суммой». Модель такой игры, как известно, предполагает, что выигрыш одной из сторон эквивалентен проигрышу другой, когда победитель получает ровно столько, сколько теряет

противоположная сторона. В столь многосложных материях, как языковые отношения, это просто невозможно. Так, распространяясь по миру, английский язык сам в чем-то проигрывает, приобретает далекую от литературных стандартов вариативность, становится компонентом примитивных межъязыковых «полуязычных» комбинаций.

Глоттополитика, истолкованная как в прагматических, так и в моралистических категориях, не может пренебрегать законными интересами «другого» – далекого или близкого. Невозможно продемонстрировать собственную привлекательность, попирая чужую идентичность. Напротив, уважение к языку соседа или партнера по сотрудничеству становится условием ожидания уважительного отношения к себе. Двухязычие, возможности би- и полилингвов безусловно есть желательное устройство языкового взаимодействия. Проблема в том, что за счет простой политической воли, не подкрепленной жизненными потребностями людей, такие вещи не приживаются. Точно также, односторонние стратегии чаще всего терпят неудачу. Это хорошо прочитывается у Умберто Эко. Тенденция прошлых веков – становление национальных государств через поощрение национального языка в школах, академиях и издательствах – развивалась за счет языков национальных меньшинств. В Европе наших дней происходит обратный процесс: политическая интеграция и открытость границ сопровождается поддержкой миноритарных языков. Лингвистическое дробление перестает восприниматься в духе вавилонского проклятия. «Европа полиглотов, – пишет У. Эко, – не Европа людей, бегло говорящих на множестве языков, а в лучшем случае людей, которые при встрече говорят каждый на своем языке, не понимают друг друга; пусть они не могут с легкостью выражать свои мысли, пусть и понимают с

трудом, но как-то схватывают тот «дух», ту культурную вселенную, какую каждый выражает, говоря на языке своих предков и своей традиции»²². Позиция, выглядящая, возможно, несколько парадоксально, но убедительная в своей мудрости.

Итак, глоттополитика – ни в коем случае не есть «игра с нулевой суммой». Модель взаимодействия, если исходить из приоритетов именно «гибкой», но не «жесткой» власти, здесь должна строиться не на принципах силового принуждения, торга, шантажа, обструкции, имитации бурной активности через воинственную – часто мотивированную предвыборными видами – риторику. Лучше, а главное рациональнее и целесообразнее, если это будет модель творческой кооперации. Ректор Московского лингвистического университета, руководитель базовой организации по языкам и культуре государств – участников СНГ Ирина Халеева по-новому формулирует стратегию: «...мы не можем проходить мимо того обстоятельства, что в странах (СНГ. – Н.М.) стали набирать силу и вес разные языки. ... Поэтому я считаю, что это долг россиян – изучать языки своих соседей. Просто политический долг, геополитический»²³. Нельзя не признать: образцовое проникновение в существо того, что собой представляет «гибкая власть» и ее глоттополитическая составляющая. Существо это состоит в том, что «продвижению» подлежат не столько слова, лексика или статусные параметры языка, сколько, прежде всего, смыслы и смыслы, обладающие силой привлекательности. Никого кроме экзальтированной толпы нельзя привлечь на свою сторону языком вражды, конфронтационными фигурами речи или притязаниями на гегемонию. Притягательнее всегда будет язык – в том числе общественно-политический язык, – на котором возможны взаимные приобретения.

Примечания

¹ Мир языков. Обзор языков мира [Текст] = Words and Worlds. World Languages Review. – Элиста: КалмГУ, 2006. – С. 39.

² См. подробнее: Мухарьямов Н.М. Языковые измерения международно-политических отношений: к перспективам исследования // Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков Республики Татарстан. – Казань, 2007. – С. 160-168.

³ См.: Замятин Д. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М., 2004. – С. 92-93; Language Ideologies, Policies and Practices. Language and the Future of Europe. – N.Y., 2006. – P. 10.

⁴ Руссо Л.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики // Языковая политика в современном мире. – СПб., 2007. – С. 103.

⁵ См.: Супрун В.И. Предисловие к русскому изданию. Ипостаси власти // Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. – Новосибирск/Москва, 2006. – С. 12.

⁶ Най Дж.С. Указ. соч. – С. 31.

⁷ См.: Най Дж.С. Указ. соч. – С. 112, 120.

⁸ См.: Тер-Минасова С.Г. Война языков и мир языков и культур. – М., 2007. – С. 245.

⁹ См.: Независимая газета. – 16 нояб. 2007.

¹⁰ См.: Московские новости. – 16–22 нояб. 2007.

¹¹ См., например: Мир языков: Обзор языков мира. – С. 135.

¹² См.: НГ-НАУКА. – 14 нояб. 2007.

¹³ Цит. по: Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб., 2007. – С. 346.

¹⁴ Kibbe D.A. Language policy and theory // Languages in Globalizing World. – Cambridge, 2004. – P. 237.

¹⁵ НГ-НАУКА. – 14 нояб. 2007.

¹⁶ НГ-EX LIBRIS. – 15 нояб. 2007.

¹⁷ Известия. – 12 февр. 2007.

¹⁸ См.: Арефьев А. Как это будет по-русски? // Эксперт. – 25–31 дек. 2006. – С. 87.

¹⁹ См.: Maurias J. Towards a new global linguistic order // Languages in Globalizing World. – P. 20.

²⁰ См.: Тер-Минасова С.Г. Указ. соч. – С. 246.

²¹ См.: Независимая газета. – 18 мая 2007.

²² Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – С. 358.

²³ Литературная газета. – 21-27 нояб. 2007.

Summary

Some problems of the present and the future are considered in this article in the light of geopolitics.